

Смок Белью. Смок и Малыш. Принцесса

Про книгу

Большая часть книги посвящена Смоку (Кристоферу) Беллью - интеллигентному юноше из типичной буржуазной семьи, которого жажда приключений толкнула на полный смертельных опасностей путь отчаянных золотоискателей, покорителей Клондайка.

Писатель утверждает, что именно в подобных испытаниях закаляется характер и проявляются истинные качества человека.

ДЖЕК ЛОНДОН

СМОК БЕЛЛЮ

*

СМОК И МАЛЫШ

Джек Лондон

Смок Беллью. Смок и Малыш.
Принцесса

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
2011

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2008, 2011

ISBN 978-966-14-2549-0 (epub)

Никакая часть данного издания не может быть скопирована или воспроизведена в любой форме без письменного разрешения издательства

Электронная версия создана по изданию:

Л76 **Лондон Дж.** Собр. соч. [Текст] / научн. ред. и коммент. канд. филол. наук доцента А. М. Гуторова ; худож. А. Печенежский. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга» ; Белгород : ООО «Книжный клуб “Клуб семейного досуга”», 2008.

Т. 9 : Рассказы. — 416 с.: ил. — Содерж. : Смок Беллью : рассказы ; Смок и Малыш : рассказы ; Принцесса : рассказы.

ISBN 978-966-14-0089-3 (Украина, т. 9).

ISBN 978-966-343-752-1.

ISBN 978-5-9910-0549-4 (Россия, т. 9).

ISBN 978-5-9910-0170-0.

Большая часть книги посвящена Смоку (Кристоферу) Беллью — интеллигентному юноше из типичной буржуазной семьи, которого жажда приключений толкнула на полный смертельных опасностей путь отчаянных золотоискателей, покорителей Клондайка. Писатель утверждает, что именно в подобных испытаниях закаляется характер и проявляются истинные качества человека.

Більша частина тому присвячена Смоку (Крістоферу) Беллью — інтелігентному юнакові з типової буржуазної родини, якого жага пригод штовхнула на сповнений смертельних небезпек шлях відчайдушних золотошукачів, підкорювачів Клондайку. Письменник стверджує, що саме в подібних випробуваннях загартовується характер і виявляються справжні якості людини.

ББК 84.7США

Смок Беллью

Вкус мяса

I

В начале он был Христофором Беллью. Со временем в колледже его переделали в Криса Беллью. Позднее богема Сан-Франциско прозвала его Кит Беллью. А под конец никто не называл его иначе, как Смок Беллью. И эта история эволюции его имени тесно связана с историей его собственной эволюции. Но ничего подобного не случилось бы, если бы судьба не послала ему нежной матери и железного дяди, а также если бы он не получил письма от Джиллета Беллами.

«Я только что видел номер «Волны», — писал Джиллет из Парижа. — О'Хара, несомненно, добьется успеха. Однако я заметил кое-какие пробелы (тут следовали подробные указания относительно того, какие улучшения необходимо произвести в новом еженедельнике). Отправься к нему и укажи на все эти недочеты. Внуши ему, однако, что все эти соображения исходят лично от тебя. Не упоминай обо мне ни словом, ни намеком. Если он узнает, что в этом деле замешан я, он непременно сделает меня своим парижским корреспондентом. А я ни в коем случае не могу согласиться на это, ибо получаю за свои статьи наличными в толстых журналах. Главное — не забудь сказать ему, чтобы он выставил поскорее осла, которому поручил музыкальную и художественную критику. Укажи ему также, что у Сан-Франциско всегда был свой собственный литературный стиль, который, однако, пришел за последнее время в упадок. Пусть О'Хара порыщет кругом и откопает какого-нибудь не совсем бездарного писаку, который мог бы регулярно снабжать «Волну» рассказами; необходимо, чтобы в них

нашли отражение подлинная романтика, блеск и колорит Сан-Франциско».

И Кит Беллью отправился в редакцию «Волны» и добросовестно выполнил возложенное на него поручение. О'Хара выслушал. О'Хара поспорил. О'Хара согласился. О'Хара выставил осла, который писал критические статьи. Наконец, О'Хара прибег к приемам, которых так опасался Джиллет в далеком Париже. Дело в том, что когда О'Хара чего-нибудь желал, ни один человек не мог ему отказать. Он действовал мягко, но так настойчиво, что сокрушал всякое сопротивление. Прежде чем Кит выбрался из редакции, он оказался его соредактором и обещал заполнять еженедельно несколько столбцов критического отдела, пока О'Хара не подыщет другого сотрудника. Кроме того, Кит обязался давать для каждого номера фельетон в десять тысяч слов — и все это без всякого вознаграждения.

— В настоящее время «Волна» не в состоянии платить своим сотрудникам, — объяснил О'Хара и тут же с неотразимой убедительностью заявил, что в Сан-Франциско имеется только один талантливый человек, настоящий фельетонист по призванию, и что человек этот — Кит Беллью.

— Черт побери! Выходит, что осел-то я! — горестно простонал Кит, спускаясь по узкой лестнице.

И с этого момента началось его рабское служение О'Хара и ненасытным столбцам «Волны». Он почти не выходил из редакции, сражался с кредиторами, ругался с типографскими рабочими и поставлял еженедельно двадцать пять тысяч слов на самые разнообразные темы. Но время шло, а облегчения не наступало. «Волна» была честолюбива. Она решила, что не может обойтись без иллюстраций. Иллюстрации — вещь дорогая. Журнал был не в состоянии оплачивать даже Кита Беллью и уж, конечно, не мог позволить себе никакого расширения штата.

— Вот что значит быть покладистым, — проворчал однажды Кит.

— В таком случае мы должны воздать хвалу небесам за то, что они посылают нам покладистых, — со слезами на глазах воскликнул О'Хара, пожимая Киту руку. — Вы спасли меня, Кит! Не будь вас, я вылетел бы в трубу. Потерпите еще чуточку, старина, и вы увидите, как все наладится.

— Никогда этого не будет, — жалобно простонал Кит. — Я ясно вижу свою судьбу. Мне суждено торчать здесь до конца моих дней.

Скоро ему показалось, что он нашел выход. Дождавшись удобного момента, он в присутствии О'Хара споткнулся о стул. Через несколько минут он ударился об угол стола и опрокинул дрожащими пальцами баночку с клеем.

— Кутнули вчера? — осведомился О'Хара.

Кит протер глаза обеими руками и, прежде чем ответить, бросил на него испуганный взгляд.

— Нет, дело не в этом. У меня что-то неладно с глазами. Словно туман какой-то. Не пойму, с чего бы это?

В течение нескольких дней он продолжал наткаться на все предметы конторской обстановки. Но сердце О'Хара не смягчалось.

— Послушайте меня, Кит, — сказал он однажды, — пойдите к окулисту. Тут есть некий доктор Хасдэпл. Собаку съел на этом деле. И лечение ни гроша не будет вам стоить. Мы заплатим ему объявлениями. Я сам переговорю с ним.

— Ваши глаза в полном порядке, — заявил доктор после внимательного осмотра. — Сказать правду, мне редко приходилось встречать такие здоровые глаза — одна пара на миллион.

— Только не говорите этого О'Хара, — взмолился Кит. — И пропишите мне темные очки.

В результате О'Хара выразил Киту сочувствие и снова с жаром стал распространяться о том времени, когда «Волна» станет на ноги.

К счастью для Кита, у него были кое-какие доходы, правда, довольно скромные, но все же они давали ему возможность состоять членом нескольких клубов и снимать мастерскую в Латинском квартале. С того времени, как он сделался соредктором «Волны», расходы его сильно сократились. У него попросту не хватало времени на то, чтобы тратить деньги. Он не переступал больше порога мастерской и перестал устраивать свои знаменитые, приготовленные на жаровне ужины, которыми он угощал прежде местную богему. Однако это не мешало ему теперь вечно сидеть без гроша, ибо «Волна», постоянно садившаяся на мель, поглощала вместе с его духовными силами и всю его личность. Для этого имелись иллюстраторы, которые периодически отказывались давать иллюстрации, наборщики, время от времени отказывавшиеся

набирать, и мальчишки-рассыльные неоднократно прекращали выполнять свои обязанности. Во всех этих случаях О'Хара умоляюще смотрел на Кита — и тот все оплачивал.

Когда пароход «Эксцельсиор» прибыл из Аляски и привез весть о клондайкских россыпях, вся страна точно обезумела, а Кит сделал своему издателю чрезвычайно легкомысленное предложение.

— Послушайте, О'Хара, — сказал он. — Эта золотая лихорадка примет, несомненно, грандиозные размеры — должно быть, снова повторятся дни сорок девятого года. Не отправиться ли мне в Клондайк в качестве корреспондента «Волны»? Издержки я возьму на себя.

О'Хара покачал головой.

— Я не могу отпустить вас, Кит. Подумайте, что станется с рассказами? Кроме того, около часа назад я встретил Джексона. Он уезжает завтра в Клондайк и дал согласие еженедельно присылать нам оттуда корреспонденции и снимки. Я не отпускал его до тех пор, пока он не пообещал мне; главное же, что это нам ни гроша не будет стоить.

В тот же день Кит снова услышал о Клондайке — от своего дяди, с которым встретился в библиотечном зале клуба.

— Здорово, дядюшка! — приветствовал он его, опускаясь в кожаное кресло и с наслаждением вытягивая ноги. — Не хотите ли составить мне компанию?

Он заказал себе коктейль, а дядя удовольствовался своим излюбленным жиденьким красным вином местного производства. Он то и дело переводил неодобрительные, раздраженные взгляды с коктейля на лицо племянника, и Кит чувствовал, что над ним висит угроза неминуемой морали.

— У меня только одна минута, — поспешно заявил он. — Нужно побывать на выставке Кейта в галерее Эллери и написать полстолбца.

— Что это с тобой? — спросил дядюшка. — Лицо бледное, вид измученный...

Кит только простонал в ответ.

— Я, кажется, буду иметь удовольствие похоронить тебя. Это ясно как день.

Кит грустно покачал головой.

— Благодарю вас. Я не охотник до червей. Сожгите меня в крематории.

Джон Беллью принадлежал к тому старому, крепкому и энергичному поколению, которое в пятидесятых годах пересекло прерию в фургонах, запряженных волами. В нем была железная закваска, заложенная в детстве, которое прошло в пору освоения новой земли.

— Ты ведешь недостойную жизнь, Кристоф. Мне стыдно за тебя.

— Кучу? Так, что ли? — усмехнулся Кит.

Старик пожал плечами.

— Перестаньте так жестоко скорбеть о моих грехах, дядюшка. Я сам был бы рад, если бы я кутил. Но с этим все давно покончено. У меня на это не хватает времени.

— Тогда что же?

— Переутомление.

Джон Беллью разразился отрывистым, недоверчивым смехом.

— В самом деле? — Новый приступ смеха.

— Человек есть продукт окружающей среды, — заявил Кит, указывая на дядюшкин стакан. — Ваше веселье такое же терпкое и жидкое, как и ваш напиток.

— Переутомление! — насмеялся дядюшка. — Да ведь ты за всю жизнь и цента еще не заработал.

— Вы сильно ошибаетесь. Заработал я немало, только мне не удается получить то, что я зарабатываю. Как раз теперь я зарабатываю до пятисот долларов в неделю и работаю за четверых.

— Малюешь картины, которых никто не покупает? Или занимаешься еще какой-нибудь ерундой в том же роде?.. Ты умеешь плавать?

— Когда-то умел.

— Ездить верхом?

— Пробовал и это в свое время.

Джон Беллью фыркнул с отвращением.

— Я рад, что твой отец умер и не может видеть тебя во всем блеске твоего ничтожества, — сказал он. — Это был настоящий мужчина, до кончиков ногтей. Понимаешь? — Мужчина! Думается мне, что он живо выколотил бы из тебя все эти музыкальные и артистические бредни.

— Увы! В наши упадочные дни... — вздохнул Кит.

— Я понял бы тебя и, может быть, даже примирился со всей этой белибердой, если бы ты добился хоть в чем-нибудь успеха. Но ты не заработал в жизни ни единого цента и не сделал ничего мало-мальски путного.

— Гравюры, картины, веера, — признался Кит.

— Ты просто мазилка, да еще и неудачник к тому же. Что ты называешь картинами, хотел бы я знать? Бесцветные акварели да ужасные плакаты? Ведь тебе никогда не удавалось пристроить ничего из этой мазни на выставку хотя бы даже здесь, в Сан-Франциско.

— Ага, вот вы и забыли! Ведь одна из моих картин висит в этом самом клубе.

— Нелепейшая штука! А музыка? Твоя милейшая, но недалекая мамаша выбрасывала на твои уроки сотни долларов. Но ты и тут оказался бездарностью и неудачником. Ты ни разу не заработал хотя бы пяти долларов, проаккомпанировав кому-нибудь в концерте. А твои песенки! Жалкие пустячки, которых никто не желает издавать. Их распевают только твои же товарищи, прикидывающиеся богемой.

— Я выпустил книгу... сонеты, помните?

— А что это тебе стоило?

— Всего двести долларов.

— Чем ты еще можешь похвастаться?

— Я поставил пьесу в летнем театре.

— А что она дала тебе?

— Славу.

— А ведь ты когда-то плавал и пробовал ездить верхом!.. — Джон Беллью энергично опустил стакан на стол. — На что же ты все-таки годен, черт возьми? Ведь ты всегда был здоровым малым, а между тем я не помню, чтобы ты даже в университете увлекался футболом. Ты не греб. Ты не...

— Я занимался боксом и фехтовал... немного.

— Когда ты боксировал в последний раз?

— Да давно уже, в университетские времена. Считали, что у меня превосходный глазомер и чувство дистанции... только я... как бы это сказать...

— Ну, что?

— Товарищи, видите ли, находили, что я рассеян...

— Ты хочешь сказать — ленив?

— Мне самому казалось, что это то же самое.

— Мой отец, сэр, а ваш дедушка, Исаак Беллью, убил человека ударом кулака, когда ему было шестьдесят девять лет.

— Кому, убитому?

— Твоему дедушке, поганец. Но ты в шестьдесят девять и комара не убьешь.

— Времена изменились, дорогой дядюшка! Теперь за убийство сажают в тюрьму.

— Твой отец проскакал однажды сто восемьдесят миль верхом, ни на минуту не сомкнув глаз, и загнал трех лошадей.

— Если бы он жил в наши дни, он спокойно прохрапел бы всю дорогу в пульмановском вагоне.

Дядюшка чуть не задохнулся от негодования. Овладев собой, он с трудом выговорил:

— Сколько тебе лет?

— У меня есть основание думать...

— Я знаю. Двадцать семь. Когда ты окончил университет, тебе было двадцать два. Целых пять лет ты только и делал, что малевал, бренчал и фанфаронил. Ну, сознайся же перед Богом и людьми — на что ты теперь годен? В твоём возрасте у меня была одна-единственная смена белья. Я был объездчиком в Колузе. Я был крепок как камень и мог спать на голом камне. Питался я солониной и медвежатиной. И вот даже теперь физически я намного крепче, чем ты. В тебе, должно быть, около ста шестидесяти пяти фунтов весу, а я хоть сейчас могу повалить тебя и превратить в лепешку вот этими кулаками.

— Что же! Для того, чтобы поглощать коктейли и жидкий чай, не требуется богатырской силы, — смиренно согласился Кит. — Разве вы не видите, дядюшка, что времена изменились. Кроме того, меня воспитывали не так, как следовало. Моя милейшая, но бестолковая мама...

Джон Беллью сердито поморщился.

— ...как вы сами охарактеризовали ее, была слишком добра ко мне; она, что называется, держала меня в вате и воспитывала, как девочку. Вот видите, если бы я принимал участие в тех героических эскападах, которые вам так по душе... кстати — почему вы никогда не брали меня с собой? Ведь захватили же вы Холла и Робби, когда отправились в Сьерру и Мексику?

— Мне казалось, что ты слишком нежен.

— Это ваша вина, драгоценный дядюшка, — ваша и моей милейшей, гм... мамыши. Скажите на милость, — как же я мог закалить себя? Ведь я был всего-навсего ребенком. Что мне оставалось в жизни, кроме гравюр и вееров? Разве я виноват в том, что мне никогда не пришлось как следует попотеть?

Старик с нескрываемым презрением посмотрел на своего племянника. С него было достаточно всей этой болтовни.

— Ну, хорошо, я как раз собираюсь предпринять одну из тех эскапад, которые ты называешь героическими. Что, если бы я позвал тебя на этот раз?

— Немного поздновато, нужно признать. Куда это?

— Холл и Робби едут в Клондайк, и я собираюсь проводить их через перевал до озер. Оттуда я поверну обратно...

Он не кончил фразы: Кит вскочил на ноги и схватил его за руку.

— Спаситель мой!

Джон Беллью окинул его недоверчивым взглядом. Ему и в голову не приходило, что Кит примет его приглашение.

— Ты шутишь! — сказал он.

— Когда мы едем?

— Это тяжелое путешествие. Ты станешь обузой для нас.

— Не стану. Я буду работать. Я научился работать, поступив в «Волну».

— Каждый должен взять с собой припасов на целый год. Туда нахлынет такая уйма народу, что индейцы не справятся с переноской багажа. Мальчикам придется самим перетаскивать свое снаряжение через перевал. Вот я и хочу помочь им в этом деле. Если ты поедешь с нами, тебе придется делать то же самое.

— Я еду с вами.

— Но ведь ты не сможешь переносить тяжести, — возразил Джон Беллью.

— Когда мы отправляемся?

— Завтра.

— Не думайте, пожалуйста, что на меня так подействовала ваша проповедь, — сказал Кит на прощание. — Мне просто необходимо скрыться куда-нибудь от О'Хара.

— Кто этот О'Хара? Япошка?

— Нет. Он ирландец, рабовладелец и к тому же один из моих лучших друзей. Это издатель, собственник и величайший тиран «Волны». Все повинуетя ему. Он мог бы, если бы захотел, командовать привидениями.

В этот же вечер Кит Беллью написал О'Хара записку.

«Я беру отпуск на несколько недель, — объяснял он. — Подыщите на это время кого-нибудь, кто мог бы закончить мой последний рассказ. Мне очень жаль, старина, но дело в моем здоровье. Вернувшись, я возьмусь за работу с удвоенной энергией».

II

Среди безумной суматохи Кит Беллью высадился на берег Дайи, заваленный тысячепудовым багажом тысяч людей. Эти огромные массы снаряжения и продовольствия, которые пароходы целыми грудями выбрасывали на берег, только теперь начинали понемногу переправлять вверх по долине Дайи и через Чилкут. Совершить этот переход в двадцать восемь миль можно было только на собственных ногах, перенося тяжести на спине. Индейцы-носильщики были нарасхват, несмотря на то, что цена за переноску фунта багажа подскочила с восьми центов до сорока, и всем было ясно, что наступающая зима застигнет бо`льшую часть путешественников по эту сторону перевала.

Самым неприспособленным из всех неженков, высадившихся с парохода, был Кит. Подобно множеству других новичков он надел пояс с патронами, на котором болтался огромный револьвер. Дядя его, переполненный воспоминаниями о прежних опасных странствованиях, был также повинен в этом грехе. Но Кит Беллью, кроме того, был романтиком. Его пленяла игра и блеск золотой лихорадки, и он наблюдал за движением бурного людского потока глазами художника. Все это путешествие казалось ему чем-то вроде веселой экскурсии, и он еще на пароходе заявил, что не собирается похоронить себя на Севере. Он просто хотел использовать свой отпуск для того, чтобы «заглянуть» через перевал, а затем снова вернуться в лоно цивилизации.

Оставив своих спутников следить за выгрузкой багажа, Кит направился вверх по песчаному берегу к старой фактории. Сам он шел твердой поступью и с удивлением заметил, что другие, увешанные такими же револьверами, путешественники спотыкались на ходу. Его обогнал статный индеец шести футов ростом, с огромным тюком за плечами. Кит пошел за ним следом, любуясь великолепными икрами этого малого, а также грацией и непринужденностью, с которой он двигался, несмотря на тяжесть поклажи. Индеец опустил свой тюк на весы перед факторией, и Кит присоединился к толпе восхищенных зрителей, окруживших носильщика. Тюк весил сто двадцать фунтов, и эта цифра благоговейным шепотом передавалась из уст в уста.

— Не шутка! — решил Кит и тут же задал себе вопрос, сможет ли он поднять такую тяжесть да еще пойти с ней.

— На озеро Линдерман, приятель? — спросил он.

Индеец с гордым видом пробормотал что-то утвердительное.

— Сколько вы берете за такой тюк?

— Пятьдесят долларов.

Но на этом разговор оборвался. Внимание Кита привлекла девушка, стоявшая на пороге. Не в пример другим женщинам, высадившимся с парохода, она была в юбке нормальной длины и без спортивных брюк. В общем, она была одета так, как обычно одеваются женщины в дорогу. Но больше всего Кита поразила непринужденность, с которой она держала себя в этой обстановке. Он сразу почувствовал, что она здесь своя и все окружающее — родная ей стихия. К тому же она была молода и красива. Сияющая красота и прелесть ее овального лица приковали его взгляд, и он долго не отрывал его, до тех пор, пока она не почувствовала, что на нее смотрят. Ее темные, осененные длинными ресницами глаза встретились с его глазами. С лица Кита она перевела насмешливый взгляд на большой револьвер, болтавшийся у его бедра. Затем с нескрываемым презрением она снова посмотрела на него. Этот взгляд подействовал на него, как удар хлыста. Девушка обернулась и указала на Кита своему спутнику. Тот в свою очередь взглянул на Беллью, и на его лице тоже появилась презрительная усмешка.

— Чечако, — сказала девушка.

Спутник ее, похожий на бродягу в своих дешевых брюках и разодранной шерстяной куртке, сухо усмехнулся, и Кит, сам не зная

почему, почувствовал себя оскорбленным. Но что бы там ни было, а она необыкновенно красивая девушка, решил он, когда те стали уходить. Он обратил внимание на ее походку и постарался запечатлеть ее в памяти, чтобы узнать девушку хотя бы через тысячу лет.

— Приметили вы этого человека с девушкой, — с жаром осведомился у Кита его сосед, — знаете, кто это?

Кит покачал головой.

— Карибу Чарли. Мне только что указали на него. Ему здорово повезло в Клондайке. Он — старожил, сидит на Юконе уже лет десять. Теперь он уезжал на время.

— Что значит чечако? — спросил в свою очередь Кит.

— Вот вы как раз и будете чечако, да и я тоже, — последовал ответ.

— Может быть, и так, но я все же не понимаю, что это значит.

— Это значит новичок, неженка.

Возвращаясь обратно на берег, Кит не переставал повторять про себя это слово. Не очень-то приятно мужчине, когда молоденькая хрупкая женщина называет его неженкой.

Зайдя за гору тюков, Кит, все еще полный воспоминаний о могучем индейце-носильщике, решил тут же испытать свои силы. Он выбрал мешок муки, в котором, как он знал, было сто фунтов весу, широко расставил ноги, нагнулся и попробовал взвалить его себе на плечи. Первой его мыслью было, что сто фунтов — порядочная тяжесть. Второй — что спина его не достаточно крепка. И наконец после пяти минут бесплодных усилий он со стоном свалился под тяжестью груза, который старался поднять. Кит вытер со лба пот и в ту же минуту увидел над грудой мешков с продовольствием лицо своего дядюшки Джона Беллью, с нескрываемой насмешкой следившего за ним.

— Подумать только, — возгласил этот апостол мужества, — что от нас произошло такое жалкое потомство! Когда мне было шестнадцать лет, я играючи справлялся с такими пустяками.

— Но вы забываете, дядюшка, — возразил Кит, — что меня-то не кормили с детства медвежатиной.

— И играючи справлюсь с ними, когда мне стукнет шестьдесят.

— Я не прочь бы взглянуть на это.

И Джон Беллью показал ему. Дядюшке было сорок восемь лет, но он нагнулся над мешком, схватил его твердой рукой, немного раскачал

и быстрым движением выпрямился, перекинув стофунтовый груз через плечо.

— Сноровка, мой мальчик, сноровка и крепкая спина!

Кит почтительно снял шляпу.

— Вы чудо, дядюшка, поразительное чудо! Как вы думаете, сумею ли я приобрести такую сноровку?

Джон Беллью пожал плечами.

— Ты запросишься домой прежде, чем мы тронемся в путь.

— Ну, нет, этого не случится, — пробурчал Кит. — Там меня ждет О'Хара, рыкающий лев, и я не вернусь к нему, пока будет хоть какая-нибудь возможность оставаться здесь.

III

Первое испытание Кита прошло успешно. Им удалось подрядить до Финниганского брода индейцев, которые взялись перенести две тысячи пятьсот фунтов снаряжения. Начиная с этого места, путешественникам предстояло нести поклажу самим. Они решили проходить ежедневно по одной миле. Это очень легко... на словах. Джон Беллью должен был оставаться на стоянках и стряпать, поэтому он лишь изредка мог помогать в переноске груза. Таким образом, каждому из трех молодых людей нужно было ежедневно перетаскивать на одну милю восемьсот фунтов. Поднимая по пятидесяти фунтов зараз, каждый из них должен был бы сделать в день шестнадцать миль с поклажей и пятнадцать налегке. «Потому что в последний раз нам ведь не придется возвращаться!» — сделал приятное открытие Кит. Увеличив поклажу до восьмидесяти фунтов, они сократили бы свой переход до девятнадцати, а навьючивая на себя по сто фунтов — до пятнадцати миль в день.

— Я не большой любитель моциона, — заметил Кит. — Поэтому я буду перетаскивать по сто фунтов сразу. — Он подметил недоверчивую усмешку на лице дяди и поспешно добавил: — Конечно, мне придется потренироваться сначала. Всякое дело требует некоторой сноровки и навыка. Я начну с пятидесяти фунтов.

Он так и сделал и, взвалив на себя тюк, бодро двинулся в путь. Пройдя милю, он сбросил груз и легким шагом вернулся обратно. Это

оказалось легче, чем он думал. Но две мили порядком утомили его непривычные мускулы. Второй его тюк весил шестьдесят пять фунтов. Это было уже значительно труднее, и Кит утратил свою первоначальную прыть. Несколько раз за время перехода он, по примеру всех остальных носильщиков, присаживался на землю и прислонял груз, не сбрасывая его с плеч, к камню или пню. Когда дело дошло до третьего тюка, Кит окончательно возгордился. Он прикрепил к ремням мешок бобов в девяносто пять фунтов и двинулся в путь. К концу первых ста шагов он почувствовал, что силы покидают его. Он присел и вытер с лица пот.

— Короткие переходы и короткие привалы, — пробормотал он, — в этом весь фокус.

Иногда Киту не удавалось сделать даже полных ста шагов, и всякий раз, как он, передохнув, снова поднимался на ноги, ноша казалась ему все тяжелее и тяжелее. Он с трудом переводил дыхание и весь обливался потом. Не пройдя и четверти мили, он снял свою шерстяную фуфайку и повесил ее на дерево. Немного погодя он сбросил шляпу. К концу первой полумили Кит почувствовал, что должен сдаться. Никогда в жизни он не испытывал такой мучительной усталости: он был уверен в этот момент, что окончательно надорвал свои силы. Он опустился на землю, стараясь отдышаться, как вдруг взгляд его упал на огромный револьвер и тяжелый пояс с патронами.

— Десять фунтов лишку, — ухмыльнулся он, отстегивая пояс.

Он даже не потрудился повесить его на дерево, а просто швырнул в придорожный кустарник. Наблюдая за потоком навьюченных людей, тащившихся мимо него вверх и вниз, Кит увидел, что и другие новички отстегивали свое оружие. Кит все больше и больше сокращал свои и без того короткие переходы. Подчас он с трудом, спотыкаясь, проходил шагов сто и, совершенно обессиленный, опускался на землю. Сердце его злоежде колотилось, кровь стучала в висках и барабанных перепонках, а колени предательски дрожали. Остановки же, наоборот, с каждым разом становились все длиннее. Однако мозг его не переставал работать. Перед ним лежало еще двадцать восемь миль пути, то есть двадцать восемь дней такого труда, причем самое трудное ожидало его, несомненно, впереди.

— Вот доберемся до Чилкута, — говорили ему спутники, останавливаясь, чтобы поболтать и передохнуть, — так вы еще не то

запоете: придется карабкаться на четвереньках.

— Никакого Чилкута я не увижу, — отвечал он. — Мне ни за что не добраться туда. Задолго до Чилкута я спокойно улягусь в маленькой уютной могилке у дороги.

Раз он поскользнулся и сделал отчаянное усилие, чтобы удержаться. Это маленькое приключение сильно напугало его. Ему почудилось, будто у него все внутри оборвалось.

— Если я свалюсь когда-нибудь с этим грузом за спиной, пиши пропало, — поделился он с одним из своих спутников.

— Это что! — ответил тот. — Вот когда мы доберемся до Большого Ущелья, узнаете, то ли еще бывает. Вам придется перебираться через бешеный поток по сосновому стволу в шестьдесят футов длины. Никаких поручней, никаких веревок — ничегошеньки! А вода под вами брызжет, пенится, переливается через ствол и захлестывает вас до колен. Если вы свалитесь с мешком на спине, не останется никакой возможности освободиться от ремней. Тогда прощайтесь с жизнью и спокойно погружайтесь на дно.

— По-моему, это не так уж плохо, — отозвался Кит; безумная усталость вынуждала его почти мечтать о таком конце.

— Там ежедневно тонет три-четыре человека, — продолжал его собеседник. — Я помог раз выудить оттуда одного немца, на нем нашли четыре тысячи долларов.

— Весело, нечего сказать, — произнес Кит, с трудом поднимаясь на ноги и снова пускаясь в путь.

Кит Беллью и его мешок с бобами слились в какую-то ходячую неразрешимую трагедию. Сам Кит мысленно сравнивал себя с Синдбадом-мореходом, обреченным таскать на плечах морского старца. «Так вот она, работа, достойная мужчины, — размышлял он. — Да по сравнению с ней рабство у О'Хара — блаженство». По временам он готов был поддаться искушению — швырнуть мешок с бобами в кусты, обогнуть крадучись стоянку, помчаться к берегу и сесть на первый попавшийся пароход, который вернул бы его в цивилизованный мир.

Однако он не сделал этого. Где-то в глубине его существа таилось влечение ко всему сильному и мужественному, и он беспрестанно твердил про себя, что раз это проделывают другие, то, следовательно, может проделать и он. Эта мысль навязчиво преследовала его, точно в

кошмаре, и он делился ею со всеми, кого встречал по пути. Иногда, в минуты отдыха, он с завистью рассматривал крепких быстроногих индейцев, которые проходили мимо, нагруженные несравненно большими тяжестями. Они, по-видимому, никогда не отдыхали и двигались с твердостью и уверенностью, которая казалась ему почти чудесной.

Кит сидел и бранился (на ходу у него не хватало на это дыхания), борясь с искушением удрать обратно в Сан-Франциско. Но прежде чем кончилась миля, он перестал браниться и принялся плакать. Эти слезы были вызваны усталостью и отвращением к самому себе. Существовал ли когда-нибудь на свете более слабый, более жалкий человек! Когда вдали показался лагерь, он сделал последнее отчаянное усилие, добрался до стоянки и повалился ничком на землю, так и не сняв со спины мешка с бобами. Он не умер, но пролежал минут пятнадцать, прежде чем собрался с силами, чтобы освободиться от ремней. Чувствуя себя смертельно разбитым и больным, он так и остался лежать в полной прострации. В этом состоянии его нашел Робби, самочувствие которого было отнюдь не лучше, чем у кузена. Но как ни странно, состояние Робби вернуло Киту утраченное мужество.

— То, что могут делать другие, можем сделать и мы, — сказал ему Кит, хотя в глубине души у него шевелилось сомнение, не пустое ли это бахвальство с его стороны.

IV

— Мне двадцать семь лет, и я мужчина, — неоднократно повторял он в следующие дни. — И я должен стать сильным.

За первую неделю, в течение которой он ежедневно переносил восемьсот фунтов груза на милю вперед, Кит потерял пятнадцать фунтов собственного веса. Лицо его вытянулось и приобрело страдальческое выражение. И тело, и мозг утратили всякую упругость. Он уже не ходил, а тащился, и на обратных переходах, идя налегке, волочил ноги почти с таким же трудом, как и под тяжестью стофунтовой ноши.

Кит окончательно превратился во вьючное животное. Он засыпал над едой, и сон его сделался тяжелым и крепким, как у измученного

животного. Просыпаясь, он вскрикивал от мучительных судорог, которые сводили его ноги; все тело болезненно ныло. Ступни покрылись сплошными волдырями, но это было ничто по сравнению с ужасными ранами, которые появились на них в долине Дайи. В этой местности путь на протяжении двух миль был покрыт сглаженными водой камнями, которые сдирали кожу и разрезали тело до самых костей. А ведь эти две мили означали тридцать восемь миль ходьбы с грузом туда и обратно. Он мыл лицо только раз в день, а ногти свои, сломанные, изуродованные и обросшие заусенцами, никогда не чистил. Боль в плечах и руках от глубоко врезавшихся ремней заставила его в первый раз задуматься над ощущениями лошадей, которых он столько раз видел на городских улицах.

Еда была для него вначале сущей пыткой и чуть не извела его вконец. Огромная физическая работа требовала усиленного питания, а желудок его не был приспособлен к непомерным порциям свинины и тяжелых коричневых бобов. В результате желудок отказался работать, и в течение нескольких дней боли и раздражение, вызываемые голодовкой и расстройством, едва не сломали Кита окончательно. Но настал, наконец, радостный день, когда он оказался в состоянии есть как прожорливое животное и с жадными волчьими глазами требовать еще и еще.

Благополучно переправив у входа в ущелье весь груз через поток по мосткам из неочищенных стволов, путники изменили свой план. Из-за перевала дошли слухи, что в окрестностях озера Линдерман не осталось ни одного дерева, пригодного для постройки лодки. Тогда оба кузена, нагрузив на себя инструменты, пилы, одеяла и запасы продовольствия, двинулись вперед, оставив Кита с дядей перетаскивать остальной багаж. Теперь Джон Беллью стряпал вместе с Китом и помогал ему переносить поклажу. Время летело быстро, и вскоре на вершинах выпал первый снег. Если бы зима застигла их по эту сторону перевала, они потеряли бы целый год. Поэтому дядюшка подставил свою железную спину под стофунтовую тяжесть. Кит почувствовал вначале некоторое смущение, но затем стиснул зубы и прикрепил к своим ремням такой же груз. Это было тяжело, но он успел уже порядком приспособиться, и тело его, окрепшее и избавившееся от лишнего жира, начинало покрываться броней твердых и гибких мускулов. К тому же он умел наблюдать и не был

лишен изобретательности. Он сразу обратил внимание на приспособление из ремней, которое индейцы носили на голове, и смастерил себе такое же, чтобы пользоваться им одновременно со спинными ремнями. Это значительно облегчало дело и давало ему возможность класть на тюк еще какой-нибудь добавочный, не тяжелый, но громоздкий груз. Таким образом, он научился переносить по сто фунтов на ремнях и одновременно какой-нибудь пятнадцатидвадцатифунтовый предмет, который свободно лежал на тюке, упираясь в его затылок. Не довольствуясь этим, он брал в одну руку топор или пару весел, а в другую — вложенные друг в друга походные котелки.

Но как ни старались дядюшка и племянник, а работы с каждым днем все прибывало и прибывало. Дорога становилась все хуже и запущеннее, тюки все тяжелее, а снежная линия на горах с каждым днем опускалась все ниже. При этом плата за переноску багажа подскочила до шестидесяти центов за фунт. От кузенов не доходило никаких вестей; из этого они заключили, что Холл и Роберт все еще заняты рубкой и распилкой леса. Джон Беллью начинал не на шутку тревожиться. Встретив на пути нескольких индейцев, возвращавшихся с озера Линдерман, он уговорил их взяться за переноску груза. Они потребовали по тридцати центов за фунт, чтобы донести поклажу до вершины Чилкута. Делать было нечего, пришлось согласиться, хотя деньги у них были на исходе. Но, несмотря на помощь носильщиков, около четырехсот фунтов груза — одежда и лагерное снаряжение — все же осталось на месте, и Джон Беллью взялся перенести их собственными силами вслед за Китом и индейцами, которые ушли вперед. Они стоворились на том, что Кит, добравшись до Чилкута, станет понемногу переносить груз дальше, поджидая дядюшку, который должен был нагнать его со своими четырьмястами фунтами.

V

Кит шагал по дороге с носильщиками-индейцами. Сообразив, что до вершины Чилкута расстояние немалое, он сократил свой груз до восьмидесяти фунтов. Индейцы кряхтели под своими вьюками, но шли

быстрее, чем привык ходить Кит. Однако теперь это его не пугало: он уже считал себя почти таким же выносливым, как индейцы.

Через четверть мили у него появилось желание передохнуть. Но индейцы еще не чувствовали в этом никакой потребности, и Кит пошел дальше вместе с ними. Пройдя еще полмили, он решил, что не в силах сделать больше ни единого шага. Тем не менее он стиснул зубы и продолжал путь, а к концу мили с удивлением убедился, что все еще жив. Затем, как это ни странно, вторая миля показалась ему немного легче первой; зато третья миля чуть не убила Кита. Но, теряя сознание от усталости и боли, он все же не позволял себе издать стон или вздох, и в ту минуту, когда он почувствовал, что теряет сознание, индейцы сделали привал. Вместо того, чтобы опуститься на землю вместо с грузом, как это делали обычно белые, индейцы освободились от плечевых и головных ремней и растянулись на земле, куря и болтая в свое удовольствие. Прошло около получаса, прежде чем они снова двинулись в путь. Кит с большим удивлением почувствовал себя совершенно посвежевшим и с этой минуты сделал своим правилом: «долгие переходы и долгие отдыхи».

Чилкут вполне оправдал те отзывы, которые Киту довелось о нем слышать, и он немало поработал руками и ногами, чтобы добраться до его вершины. Тем не менее он все же проделал это наравне с индейцами в жестокую снежную метель и в глубине души почувствовал большую гордость оттого, что ни разу за все время пути не отстал от них и ничем не проявил своей слабости. Теперь у него появилась новая, честолюбивая мечта — стать таким же выносливым и сильным, как индейцы.

Расплатившись с носильщиками и отпустив их, он остался один среди наступающей темноты, на вершине хребта, на тысячу футов выше лесной полосы. Промокший до пояса, голодный и измученный, Кит с удовольствием отдал бы в эту минуту весь свой годовой доход за то, чтобы погреться у огня и выпить чашку кофе. Но вместо этого он съел несколько холодных оладий и зарылся в полуразвернутую палатку. Перед сном он успел только со злорадством представить себе, как Джон Беллью станет карабкаться на вершину Чилкута со своими четырьмястами фунтами. Задача Кита была теперь куда легче и проще, несмотря на его две тысячи фунтов багажа: ведь его-то путь лежал под гору!

Утром, с трудом размяв онемевшие от работы и окоченевшие от холода члены, он выполз из палатки, уничтожил фунта два сырого бекона, привязал к ремням стофунтовый тюк и начал спускаться по скалистой тропинке. На несколько сот ярдов ниже тропа пересекала небольшой ледник и сбегала дальше к озеру Кратер. Какие-то люди переправлялись через ледник, перенося на себе часть груза. Однако Кит не последовал их примеру. Весь этот день он складывал свои тюки у верхнего края ледника, и незначительность расстояния позволяла ему переносить по сто пятьдесят фунтов зараз. Выполняя эту работу, он с трудом верил в свой успех и не переставал дивиться своей выносливостью. За два доллара он купил у индейца три окаменевших морских сухаря и съел их в течение дня с огромным количеством сырого бекона.

Не умывшись и не согревшись, он свалился в промокшей от пота одежде и проспал, завернувшись в палатку, вторую ночь.

Рано утром Кит разостлал на льду брезент и погрузил на него три четверти тонны. Затем он потащил его по скользкой поверхности. В том месте, где спуск ледника становился круче, груз Кита стал развивать все большую скорость и, наконец, обогнал его. Тогда остроумный изобретатель вскочил на груды тюков и помчался вниз с быстротой пули.

Сотни нагруженных поклажей носильщиков останавливались, чтобы взглянуть на Кита, восседавшего на верхушке своей поклажи. Он кричал во все горло, предостерегая тех, кто находился на его пути, и зазевавшиеся люди, спотыкаясь, отскакивали в сторону, очищая перед ним дорогу. У нижнего края ледника стояла маленькая палатка; она с такой быстротой выросла перед Китом, как будто приближалась к нему прыжками. Он свернул с проезжей тропы в том месте, где она отклонялась влево, и понесся по нетронутomu снегу. Целое облако морозной пыли окружило его, замедляя скорость движения. Он увидел палатку только в ту минуту, когда врезался в нее, сорвав боковые колышки. И в тот же миг, прорвав лицевое полотнище, Кит, сидя на своем брезенте среди груды мешков с продовольствием, влетел внутрь палатки. Палатка закачалась, как пьяная, и в облаке морозной пыли Кит вдруг увидел перед собой изумленное лицо молодой женщины. Она сидела, завернувшись в одеяла, и он тотчас же узнал в ней ту самую девушку, которая назвала его в Дайе чечако.

— Видели вы, какой я поднял дым? — весело осведомился он.

Девушка окинула его неодобрительным взглядом.

— Рассказывайте после этого о коврах-самолетах, — продолжал Кит.

— Не потрудитесь ли вы убрать с моей ноги этот мешок? — холодно спросила она.

Он осмотрелся и быстро привстал.

— Это не мешок, а мой локоть. Простите.

Эта поправка, однако, несколько не смягчила девушку, и она произнесла все с той же вызывающей холодностью:

— Спасибо хоть за то, что вы не перевернули печку.

Он проследил за ее взглядом и увидел железную печурку и гревшийся на ней кофейник, за которым присматривала молодая индианка. Кит с наслаждением втянул в себя аромат кофе и снова перевел взгляд на девушку.

— Ведь я чечако, — сказал он.

По презрению, отразившемуся на ее лице, он понял, что это для нее ясно и без его слов, но Кит несколько не смутился.

— Я бросил по дороге свой револьвер, — прибавил он.

Только тут она узнала его, и взгляд ее смягчился.

— Не думала, что вы заберетесь так далеко, — сказала она.

Он снова с жадностью втянул воздух.

— Даю голову на отсечение, что это кофе! — Он повернулся к девушке и прямо обратился к ней: — Я отдам свой мизинец — можете отрубить его сейчас же, я сделаю все, что вы прикажете, я стану вашим рабом на один год и один день или на сколько вы пожелаете, и все это за одну чашку кофе!

И, прихлебывая горячий кофе, он назвал ей свое имя и услышал, что ее зовут Джой Гастелл. Он узнал также, что она уже давно живет здесь. Джой Гастелл родилась на одной из факторий у Большого Невольничьего озера и, еще ребенком переправившись с отцом через Скалистые Горы, спустилась в бассейн Юкона. Девушка объяснила, что путешествует в этот момент со своим отцом. Сначала дела задержали его в Сиэтле, а затем он потерпел крушение на злополучном «Чантере» и был доставлен обратно в пролив Пьюджет-Саунд подоспевшим на помощь пароходом.

Поскольку девушка продолжала сидеть закутанная в одеяло, Кит не стал затягивать разговора и, героически отказавшись от второй чашки, извлек из палатки вместе с собственной персоной три четверти тонны своего груза. Сверх того он вынес с собой оттуда еще много впечатлений, а именно — что у нее прелестное имя и прелестные глаза, что лет ей, наверное, двадцать, самое большее двадцать два года; что отец ее, должно быть, француз, и что она женщина с характером и темпераментом, а воспитание получила, несомненно, где угодно, только не здесь.

VI

Тропа проходила по обледенелым скалам над полосой леса и, обогнув озеро Кратер, спускалась по скалистому ущелью к Счастливому Лагерю и первым жалким тощим соснам. Нужно было потратить немало сил и времени, чтобы переправить этим путем тяжелое снаряжение. На озере стояла парусная лодка, которой пользовались для перевозки грузов. «Достаточно будет двух рейсов, которые займут не больше двух часов времени, — рассудил Кит, — чтобы переправить на ту сторону меня самого и тонну багажа». Но Кит был разорен дочиста, а лодочник просил сорок долларов за тонну.

— Для вас, мой друг, эта жалкая лодка настоящая золотая россыпь, — сказал ему Кит. — Не хотите ли приобрести еще одну такую же?

— Покажите! — заявил лодочник.

— Я покажу вам ее, если вы согласитесь переправить за это мой багаж. Идея превосходная, и патент на нее еще не выдан, так что вы сможете взяться за дело, как только я объясню вам, в чем заключается фокус. Идет?

Лодочник согласился; лицо его внушало Киту доверие, и он тут же изложил ему свой проект:

— Прекрасно. Видите вон тот ледник? Берите кирку и отправляйтесь туда. За один день вы прорубите прекрасный желоб сверху донизу. Смекаете, в чем дело? Чилкутское и Кратеровское Консолидированное Транспортное Общество с ограниченной ответственностью. Вы можете брать по пятьдесят центов за сто фунтов

и переправлять по сотне тонн в день. А весь ваш труд будет заключаться только в том, чтобы собирать монеты.

Через два часа Кит со своим грузом находился на противоположном берегу, выиграв таким образом целых три дня. Поэтому, когда Джон Беллью нагнал племянника, тот был уже вблизи Глубокого озера — другой вулканической впадины, заполненной ледяной водой.

VII

Последний переход от Долгого озера до озера Линдерман равнялся трем милям, и тропа — если только это можно было назвать тропой — взбиралась кверху, переваливала через тысячефутовый хребет и сбегала вниз по скользким скалам, пересекая по пути широкую полосу болот. Увидев, что Кит привязал за спину стофунтовый тюк и положил на него дополнительный груз — пятидесятифунтовый мешок муки, который должен был упираться в его затылок, — Джон Беллью попробовал запротестовать.

— Будет вам, поклонник выносливости, — огрызнулся Кит. — Вспомните свою медвежатину и единственную смену белья!

Но Джон Беллью покачал головой.

— Боюсь, что я начинаю стареть, Кристоф.

— Вам всего сорок восемь лет. Разве вы забыли, что мой дедушка, а ваш отец, старый Исаак Беллью, в шестьдесят девять лет одним ударом кулака уложил человека?

Джон Беллью, ухмыльнувшись, проглотил пилюлю.

— Между прочим, дядюшка, я должен сообщить вам чрезвычайно важную новость. Несмотря на то, что меня воспитывали, как недотрогу и неженку, я могу в любой момент перецеголять вас в выносливости и ходьбе, а также уложить вас на обе лопатки или обработать вот этими кулаками.

Джон Беллью протянул племяннику руку и торжественно произнес:

— Кристоф, мой мальчик, я уверен, что ты говоришь истинную правду. Я убежден, что тебе не понадобится даже снять для этого тюк со спины. Ты изменился к лучшему, мальчик, и так сильно, что я

никогда не поверил бы этому, если бы не видел этой перемены собственными старыми глазами.

За последний переход Кит за день прошел четыре раза в оба конца, а это значило, что он за один день одолел двадцать четыре мили, карабкаясь по горам, а из них двенадцать — со стопятидесятифунтовой поклажей на спине. Он был исполнен гордости, бодр и, несмотря на усталость, физически чувствовал себя прекрасно. Он ел и спал, как никогда еще не ел и не спал в своей жизни, и видя, что работа приближается к концу, почти жалел об этом.

Одно только тревожило Кита. Он знал, что уцелеет, если свалится со стофунтовым грузом за спиной, но его мучила мысль о добавочных пятидесяти фунтах, которые, как ему казалось, должны непременно сломать ему при падении шею. Все тропинки, пересекавшие болото, очень быстро и бесследно затапывались тысячами путников, и людям приходилось беспрестанно прокладывать все новые. Прокладывая однажды такую новую тропу, Кит разрешил свою проблему о добавочных пятидесяти фунтах.

Мягкая топкая поверхность подалась под ним; он пошатнулся и упал ничком. Груз в пятьдесят фунтов вдавил его голову в грязь и шлепнулся в болото, не причинив Киту никакого вреда. Он поднялся на четвереньки со своей стофунтовой поклажей за спиной, но дальше этого дело не пошло. Одна рука его тотчас же погрузилась по плечо в трясины, заставив Кита прикоснуться щекой к грязи. Когда он вытащил эту руку — моментально погрузилась по плечо другая. Это лишало Кита возможности освободиться от ремней, а стофунтовая поклажа не давала ему подняться на ноги. Он сделал попытку подползти на четвереньках к тому месту, куда свалился мешок с мукой, но руки его поочередно увязали в топкой грязи, и скоро он выбился из сил, не подвинувшись ни на шаг. При этом топкий травянистый покров прорвался, и в опасном соседстве с его носом и ртом начала образовываться крошечная лужица. Кит попробовал перевернуться на спину так, чтобы тюк оказался под ним, но от этого движения обе руки его погрузились по плечи, и он почувствовал, что тонет. С изумительным терпением он медленно вытащил сначала одну, потом другую руку и положил их плашмя на поверхность болота, чтобы создать опору для подбородка. Затем он начал звать на помощь. Через

некоторое время он услышал звук шагов, чавкавших по болоту, и догадался, что кто-то приближается к нему сзади.

— Эй, приятель, помогите! — крикнул он. — Бросьте мне веревку или что-нибудь в этом роде.

В ответ он услышал женский голос и тотчас же узнал его.

— Если вы развяжете мои ремни, я смогу сам подняться на ноги.

Стофунтовый груз, громко чавкнув, шлепнулся в грязь, и Кит медленно, с трудом поднялся на ноги.

— Ну и вид у вас! — расхохоталась мисс Гастелл, увидев его покрытое грязью лицо.

— Совсем не плохой, — возразил он весело. — Это мое любимое гимнастическое упражнение. Попробуйте как-нибудь — замечательно укрепляет грудную клетку и позвоночник.

Он вытер лицо и бодрым движением стряхнул с руки грязь.

— О! — воскликнула она, только теперь узнав Кита. — Да ведь это мистер... мистер... Смок Беллью?

— Премного благодарен вам за своевременную помощь и за это имя, — ответил Кит. — Я получил второе крещение. Отныне я потребую, чтобы меня всегда называли Смок[1] Беллью. Это славное имя, и я вижу в нем глубокий смысл.

Он остановился, затем заговорил вдруг с неожиданной силой.

— Знаете, что я намерен сделать? — спросил он. — Я вернусь в Штаты, женюсь там и обзаведусь многочисленной семьей. А затем как-нибудь вечерком я соберу вокруг себя детей и расскажу им про те мытарства и испытания, через которые я прошел на этом Чилкутском пути. И если они не заревут, — я повторяю, если они не заревут, я вышибу из них дух.

VIII

Арктическая зима быстро надвигалась. Выпавший снег лежал шестидюймовым слоем, и спокойные горные озера постепенно затягивались льдом, несмотря на неистово дувшие ветры. Раз в сумерки, под завывание метели, Кит и Джон Беллью помогли кузенам

нагрузить лодку и долго следили потом, как она исчезала в снежном вихре.

— А теперь нужно как следует выспаться и завтра встать пораньше, — сказал Джон Беллью. — Если выюга не задержит нас на перевале, мы придем в Дайе завтра к вечеру. А если нам посчастливится застать какой-нибудь пароход, то через неделю мы будем в Сан-Франциско.

— Вы довольны своей прогулкой? — рассеянно спросил Кит.

Их стоянка в эту последнюю ночь у озера Линдерман имела грустный вид. Все более или менее пригодное для употребления было увезено кузенами. Дырявый брезент, натянутый для защиты от ветра, лишь местами прикрывал их от метели. Ужин они сварили на костре, используя для этого несколько поломанных и разрозненных лагерных принадлежностей. У них оставались только одеяла да запас пищи на несколько дней.

Проводив лодку, Кит стал рассеянным и задумчивым. Дядя заметил в нем эту перемену и приписал ее реакции на сильное напряжение. За ужином Кит произнес только одну фразу.

— Дядюшка, — сказал он вдруг ни с того ни с сего, — я хочу, чтобы отныне вы называли меня Смоком. Я, кажется, порядочно прокоптился за это путешествие, не так ли?

Через несколько минут он вышел и направился к палаткам золотоискателей, занятых снаряжением или постройкой лодок. Кит пропадал несколько часов, и когда он вернулся и лег под одеяло, Джон Беллью давно уже спал.

В темноте ветреного утра Кит выполз, отогрел на огне свои промерзшие сапоги, сварил кофе и поджарил бекон. Это был скудный завтрак, остывший прежде, чем они успели съесть его. Покончив с едой, дядя и племянник связали свои одеяла. Но в тот момент, когда Джон Беллью повернулся, чтобы пуститься в обратный путь по Чилкутской дороге, Кит протянул ему руку.

— До свиданья, дядюшка, — сказал он.

Джон Беллью посмотрел на него и выругался от неожиданности.

— Не забывайте, что меня зовут Смок, — поддразнил его Кит.

— Да что ты задумал?

Кит сделал неопределенный жест в сторону севера, где бушевало озеро.

— Какой смысл возвращаться назад после того, как я уже забрался так далеко? — спросил он. — Я отведал медвежатины, и она пришлась мне по вкусу. Я иду дальше.

— Но ведь у тебя нет ни денег, ни снаряжения, — возразил Джон Беллью.

— Я нашел работу. Ну, порадитесь: ваш племянник Кристоф Смок Беллью наконец нашел себе работу! Теперь он будет прислуживать джентльмену и получать за это сто пятьдесят долларов в месяц и продовольствие. Он отправляется в Доусон с двумя господами и еще одним слугой — в качестве походного повара, лодочника и всего такого прочего. А что касается О'Хара и «Волны» — пусть провалятся к черту! До свидания!

Джон Беллью был так поражен, что мог пробормотать только одно:

— Ничего не понимаю.

— Говорят, в бассейне Юкона водится много медведей, — объяснил Кит. — А у меня, видите ли, всего одна смена белья, и я отправляюсь за медвежатиной. Вот и все.

Мясо

I

Ветер то и дело налетал неистовым ураганом, и Смок Беллью с трудом пробирался вдоль берега. В сером предутреннем свете десятки лодок нагружались драгоценным снаряжением, которое люди с таким трудом переносили через Чилкут. Это были неуклюжие, самодельные лодки, сколоченные неумелыми руками. Золотоискатели собственноручно рубили и распиливали молодые сосны на доски, а затем мастерили из них свои незатейливые суда. Одна лодка, нагруженная доверху, как раз отчаливала от берега, и Кит остановился на минуту, чтобы поглядеть на нее.

На озере было довольно тихо, но зато у берега бушевал неистовый ураган, подхлестывавший мелкие злобные волны. Люди с отъезжавшей лодки, обутые в высокие непромокаемые сапоги, вошли в воду, чтобы столкнуть лодку в более глубокое место. Им пришлось проделать это дважды: как только они садились в лодку и брались за весла, ветер снова относил ее назад к берегу. Кит заметил, что брызги на бортах лодки быстро превращались в лед. В третий раз они добились некоторого успеха. Последние два пассажира, влезшие в лодку, были мокры по пояс, но зато лодка тронулась с места. Они изо всех сил налегли на тяжелые весла и стали медленно удаляться от берега. Ободренные успехом, они поставили парус, сшитый из одеял, но лишь только ветер надул его, лодку в третий раз отнесло к замерзающему берегу.

Кит ухмыльнулся про себя и пошел дальше. Вот с чем ему придется столкнуться в новой роли слуги: ведь ему предстояло не далее как сегодня отплыть в такой же лодке.

На берегу кипела работа; люди трудились не покладая рук, выбиваясь из сил, ибо все понимали, что зима воцарится не сегодня — завтра, и никто не знал, успеет ли он пробраться через цепь озер до

ледостава. Тем не менее, когда Кит подошел к палатке мистеров Спрага и Стайна, он не заметил там никаких признаков суеты.

У огня, под защитой брезента, сидел, поджав ноги, коротенький толстый человек, куривший самокрутку из коричневой бумаги.

— Алло, — сказал он. — Так вы, значит, новый слуга мистера Спрага?

Кит утвердительно кивнул. Ему показалось, будто толстяк сделал ударение на словах мистер и слуга, и он готов был поклясться, что маленький человечек при этом подмигнул ему.

— Так, так! Ну, а я слуга доктора Стайна, — продолжал он. — Во мне пять футов и два дюйма росту, и меня зовут Джеком Малышом, для краткости — Малышом, а иногда величают и Джонни-на-все-руки.

Кит протянул руку и обменялся со своим новым коллегой рукопожатием.

— Выросли, небось, на медвежатине? — осведомился он.

— Разумеется, — ответил тот, — хотя, насколько я помню, в раннем детстве меня кормили больше молоком буйволицы. Присядьте и закусите со мной. Хозяева еще не прочухались.

Кит уселся под брезентом и, несмотря на то, что утром уже позавтракал, с утроенным аппетитом уничтожил все, что предложил ему Малыш. Изнуренный тяжелым трудом в последнее время, он приобрел желудок и аппетит волка. Он мог есть что угодно и в каком угодно количестве, нисколько не заботясь о своем пищеварении. Малыш показался ему разговорчивым, но пессимистично настроенным человеком. Кит получил от него весьма любопытные сведения о хозяевах и выслушал мрачные предсказания относительно предстоящего путешествия. Томас Стэнли Спраг, новоиспеченный горный инженер, был сыном миллионера. Родители доктора Адольфа Стайна были также очень состоятельные люди.

— Денег у них куры не клюют, уж это я вам говорю, — продолжал Малыш. — Когда они высадились на берег в Дайе, индейцев было очень мало, и они драли по семьдесят центов за фунт. Случилась там как раз одна компания из Восточного Орегона — настоящие старатели[2], скажу вам, не нашим чета; сложились это они вместе и наняли несколько индейцев по семьдесят центов за фунт. Индейцы взялись уже за ремни, чтобы забрать снаряжение — около трех тысяч фунтов, — как вдруг появляются Спраг и Стайн. Они предложили

восемьдесят центов, затем девяносто и, наконец, доллар за фунт. Ну, индейцы, разумеется, послали орегонцев к черту и побросали поклажу. И вот Спраг и Стайн добрались сюда. Плевать, что это влетело им в три тысячи! А орегонская компания, извольте видеть, до сих пор сидит на берегу. Теперь им не выбраться оттуда до будущего года.

— О, это парни хоть куда — наши с вами хозяева, когда дело касается того, чтобы обойти человека или попросту наплевать ему в лицо. Знаете ли, что они сделали, как только добрались до озера Линдерман? Плотники на берегу как раз вколачивали последние гвозди в лодку, которую они должны были сдать одной компании из Сан-Франциско за шестьсот долларов. Спраг и Стайн отвалили им тысячу, и те, не задумываясь, нарушили договор. Лодка славная, что и говорить, но это сильно подвело тех молодцов. Они перетасили сюда все свое снаряжение, а лодки-то и нет. Хочешь не хочешь, а уж придется застрять здесь до будущего года. Выпейте-ка еще чашку кофе. Поверьте, я не связался бы с этими франтами, если бы меня чертовски не тянуло в этот Клондайк. Что и говорить — подлые люди. Если им понадобится, они вытряхнут мертвого из гроба. Вы подписали с ними какой-нибудь контракт?

Кит отрицательно покачал головой.

— В таком случае, друг, мне очень жаль вас. В этой местности продовольствие ценится на вес золота, и они отправят вас на все четыре стороны, как только доберутся до Доусона. Немало народу в эту зиму перемерет там с голоду.

— Они обещали... — начал Кит.

— На словах, — резко оборвал его Малыш. — На ваши слова они ответят словами — вот и все. Ну да ладно, не так страшен черт... А как вас звать, дружище?

— Зовите меня Смок, — сказал Кит.

— Ну, Смок, вам придется здорово попотеть, несмотря на то, что у вас только словесный договор. Теперь уже ясно, что нам предстоит. Они умеют сорить направо и налево своими проклятыми деньгами, но не способны ни работать, ни хотя бы даже рано вставать с постели. Нам уже час назад следовало закончить погрузку и отчалить, а они еще и глаз не продрали. Вся тяжелая работа ляжет на нас с вами. Не беспокойтесь, скоро вы услышите, как они начнут ругаться и требовать кофе — подумайте только: эти взрослые бугаи пьют кофе в постели!

Вы имеете какое-нибудь представление о лодке? Я ковбой и старатель, но на воде ни черта не стою, а они уже само собой ни аза не смыслят в этом. Ну-ка, выкладывайте, что вы знаете.

— Да не больше вашего, — ответил Кит, плотнее прижимаясь к брезенту, чтобы укрыться от бурного порыва ветра. — Последний раз я катался на лодке, когда был еще мальчишкой. Но мне думается, что мы справимся.

Ветер сорвал угол брезента и насыпал снегу за ворот Мальшу.

— Да уж справишься тут поневоле, — сердито проворчал он. — Велика премудрость, подумаешь. Ребенок и тот одолеет. Но я готов отдать голову на отсечение, что мы не двинемся сегодня с места.

Было уже восемь часов, когда из палатки потребовали кофе. И прошел битый час, прежде чем хозяева выползли оттуда.

— Алло, — сказал Спраг, краснощекий, упитанный молодой человек лет двадцати пяти. — Пожалуй, уже время двигаться, Малыш. Вы с... — тут он вопросительно взглянул на Кита. — Я не разобрал вчера как следует вашего имени.

— Смок.

— Так вот, Малыш, вы с мистером Смоком можете начать грузить лодку.

— Просто Смок, без всякого мистера, — поправил Смок.

Спраг кивнул и зашагал, лавируя между палатками, в сопровождении доктора Стайна, стройного бледного молодого человека. Малыш бросил красноречивый взгляд на своего товарища.

— Там полторы с лишним тонны продовольствия, а эти лоботрясы и не подумают помочь нам. Вот увидите.

— Это потому, что они платят нам за работу, — весело заметил Кит. — Я уверен, что мы отлично справимся сами.

Перенести три тысячи фунтов на сотню ярдов — дело не легкое, но проделать это в метель, шагая по снежным сугробам, в тяжелых непромокаемых сапогах — занятие чрезвычайно утомительное и требующее немалой выносливости. Кроме того, нужно было еще свернуть палатку и уложить всякую походную мелочь. Затем началась погрузка. По мере того как лодка оседала под тяжестью снаряжения, Кит и Малыш все дальше и дальше отталкивали ее от берега, увеличивая таким образом расстояние, которое приходилось проходить по воде. К двум часам все было закончено, и Кит, несмотря на два

завтрака, почувствовал, что едва держится на ногах от голода. Малыш, испытывая то же, принялся шарить по горшкам и кастрюлям и с торжеством извлек порядочный котелок холодных вареных бобов, между которыми виднелись большие ломти солонины. В их распоряжении была только одна ложка с длинной ручкой, и они по очереди погружали ее в горшок. Кит готов был поклясться, что никогда за всю свою жизнь не ел ничего вкуснее.

— Господи, — бормотал он в редкие промежутки, когда рот его освобождался от пищи. — Только здесь, в пути, и понял, что такое аппетит.

В самый разгар пиршества к ним подошли Спраг и Стайн.

— Чего мы ждем? — недовольно осведомился Спраг. — Ведь нам давно уже пора двинуться.

Малыш — это была его очередь — зачерпнул бобы ложкой, а затем передал ее Киту, и никто из них не произнес ни единого слова, пока горшок не был очищен до дна.

— Ясно, мы тут отдыхали, — сказал Малыш, вытирая рукой рот. — Вот и выходит, что мы сидели сложа руки, а вам нечем теперь закусить. Разумеется, это непростительная небрежность с нашей стороны.

— Ничего, ничего, — быстро вставил Стайн, — мы уже поели в одной из палаток у наших друзей.

— Я так и думал, — проворчал Малыш.

— Ну, а теперь, когда вы наелись, пора трогаться, — торопил Спраг.

— Лодка уже нагружена, — сказал Малыш. — А только интересно, как вы думаете взяться за нее, чтобы отчалить?

— Да просто перелезем через борт и оттолкнем ее. Ну, идем.

Все пошли по воде. Хозяева сели в лодку, а Малыш и Смок начали отталкивать ее от берега. Когда волны стали переливаться через верхушки их сапог, они влезли тоже. Но хозяева не подумали о том, чтобы вовремя взяться за весла, и лодку снова отнесло к берегу. Так повторялось несколько раз, и каждая попытка требовала огромных затрат энергии.

Малыш, придя в полное уныние, уселся на корме, взял щепотку табаку и погрузился в мировую скорбь, в то время как Кит вычерпывал

из лодки воду, а хозяева обменивались не совсем любезными замечаниями.

— Если вы исполните в точности мое приказание, мы сдвинем ее с места, — сказал Спраг.

План был недурен, но прежде чем молодой человек успел взобраться в лодку, его окатило до пояса водой.

— Придется высадиться и развести огонь, — сказал он, когда лодку снова отнесло к берегу. — Я совсем замерз.

— Теперь не время бояться насморка, — язвительно усмехнулся Стайн. — Другие же отчалили сегодня, хотя, наверное, промокли побольше вашего. Теперь я займусь лодкой, и вот вы увидите, что мы сдвинем ее.

На этот раз промок Стайн и, стуча зубами, заявил, что необходимо высадиться и развести огонь.

— Чепуха, — мстительно возразил Спраг, — из-за такой ерунды не стоит задерживаться.

— Малыш, — приказал Стайн, — вытащите мой чемодан с вещами и разведите огонь.

— Малыш, я запрещаю вам делать это! — воскликнул Спраг.

Малыш переводил глаза с одного на другого, выжидая, чем кончится спор, и не двигался с места.

— Я нанял его для себя, и он должен исполнять мои приказания, — возразил Стайн. — Малыш, берите чемодан и высаживайтесь на берег.

Малыш повиновался, а Спраг, дрожа от холода, остался в лодке. Кит, не получив никаких распоряжений, спокойно наблюдал за ними, радуясь отдыху.

— Лодка, на которой царит раздор, далеко не уедет, — пробормотал он, рассуждая сам с собой.

— Что такое? — зарычал на него Спраг.

— У меня привычка разговаривать вслух с самим собой, — ответил Кит.

Хозяин бросил на него злобный взгляд и еще несколько минут продолжал смотреть волком. Наконец он сдался.

— Вынесите мой чемодан, Смок, — приказал он, — и помогите развести огонь. Мы никуда не тронемся до завтрашнего утра.

II

На следующий день вьюга не унималась. Озеро Линдерман представляло собой не что иное, как узкое горное ущелье, заполненное водой. По этой воронке проносился порывистый, дувший с гор ветер, который то вздымал в ней огромные волны, то почти затихал.

— Если вы столкнете лодку с места, я, пожалуй, сумею отвести ее от берега, — заявил Кит, когда все было готово.

— Что вы смыслите в этом? — огрызнулся Стайн.

— Ну, как знаете, — ответил Кит и умолк.

Ему в первый раз приходилось работать по найму, но он быстро усваивал правила дисциплины. Он покорно и весело принял участие в нескольких безрезультатных попытках сдвинуть лодку.

— Что же вы собираетесь делать? — спросил его наконец Спраг, задыхаясь и чуть не плача от отчаяния.

— Сядьте все в лодку и отдыхайте, пока не настанет минута затишья, а тогда отталкивайтесь от берега что хватит сил.

Как ни была проста эта мысль, все же она пришла в голову только Киту. С первого же раза все пошло как по маслу; они прикрепили к мачте взамен паруса одеяло и понеслись по озеру. Стайн и Спраг тотчас же повеселели. Малыш, несмотря на свой беспросветный пессимизм, никогда не утрачивал бодрости, а что до Кита, то он был слишком заинтересован всем происходящим, чтобы упасть духом. Спраг около четверти часа мучился с рулем, затем бросил умоляющий взгляд на Кита, и тот сейчас же сменил его.

— Я чуть не вывихнул себе руки от напряжения, — пробормотал Спраг в оправдание.

— Ведь вы никогда не ели медвежатины, не правда ли? — сочувственно осведомился Кит.

— Что вы хотите этим сказать?

— О, ничего. Мне просто было интересно узнать.

Кінець безкоштовного уривку. Щоби читати далі, придбайте, будь ласка, повну версію книги.

ridmi
ТВІЙ УЛЮБЛЕНИЙ КНИЖКОВИЙ

КУПИТИ